

ИДТИ В БОЙ ЗА ПРАВДУ

Решительное вторжение в наболевшие проблемы жизни, обличение всего косного, отжившего, поддержка новых передовых общественных сил, активное участие в формировании духовного облика человека эпохи социализма — все это в лучших традициях советской литературы, ведущей свою родословную от первых дней Октября. Мастера слова верны этим традициям и в наши дни.

Старшее поколение, конечно, помнит, какой болевой общественный резонанс вызвало появление романа В. Дудинцева «Не хлебом единым», опубликованного в 1956 году. Значение этой книги определялось не только тем, что в ней сказана правда о негативных явлениях нашей жизни той поры, но и обаянием образа главного героя изобретателя Лопаткина — человека обостренной гражданской совести, готового отстаивать свою позицию до конца, вопреки всем обрушивающимся на него невзгодам.

Прошло тридцать лет. Сегодня имя В. Дудинцева вновь в центре общественного внимания. В четырех номерах журнала «Нева» [№№ 1—4] напечатан его новый роман «Белые одежды», который рассказывает о людях, не отступившихся от своих убеждений в трудный период жизни нашего общества. Вот что он ответил на вопросы корреспондента «Труда»:

— Владимир Дмитриевич, что вы вкладываете в такие понятия, как гражданская и творческая позиция писателя?

— Думаю, эти понятия предполагают способность писателя честно воспринимать жизнь, видеть ее противоречия, ее движение. И, конечно, способность вложить это видение в свою работу, в художественное исследование. Знаете, существует мнение, что писатель должен все время что-то создавать — ни дня без строчки. Однако я предпочитаю другое правило: садиться за письменный стол только тогда, когда чувствуешь, что если не выскажешься, то и жить незачем. Вдохновение, я так думаю, — это влечение к истине... Потому и ценятся вещи, написанные с вдохновением. Людям важно читать не о пустяках, а о том, чем живет страна, что составляет предмет серьезных общественных забот...

— Роман «Белые одежды» посвящен прошлому, порочным явлениям, связанным с «лысенковщиной» — субъективистским произволом в науке, практикой политического шельмования научных оппонентов. Почему вы написали именно об этом? Ведь с «лысенковщиной», к счастью, покончено.

— Положение в сельскохозяйственной науке сегодня, разумеется, совсем не такое, как при Трофиме Лысенко, его псевдонаучные теории давно развенчаны. Но дело в том, что «лысенковщина» — это широкое и чрезвычайно живучее явление, которое способно принимать многие обличья.

Хочу обратить ваше внимание вот на какой факт нынешней действительности. Наш народ горячо воспринял перестройку. Но есть и люди, которые ей противятся. Кто они? Мне кажется, что их, таких людей, объединяет одно общее качество: недостаточно развитое творческое начало. В человеческом сознании как бы существуют два полюса: мышление творческое и мышление потребительское. Человек творческий отдается созидательному процессу целиком, потребление жизненных благ считает второстепенной сферой бытия. А потребитель — с таким же огнем, с каким творец относится к работе, обращает свою энергию на приобретение мате-

риальных благ: что и где достать... Но для приобретения благ нужны, естественно, деньги, а за страсть к потреблению их, увы, не платят: платят за работу, за творчество. Вот и приходится потребителю ловчить, изыскивать различные способы неправомерного обогащения, а также, разумеется, и завоевания неправомерного авторитета. У людей этого типа — незаурядная способность приспосабливаться. Хорошоенько оглядевшись вокруг, они начинают выкрикивать актуальные лозунги. В «Белых одеждах» такие люди названы «парашютистами». Мне хотелось этим термином выразить их особенное положение в среде честных советских людей — положение неких чужаков, прибегающих к мимикрии.

В романе я показываю, как Лысенко и ему подобные — приспособленцы, потребители — сумели найти псевдомарксистские термины, использование которых позволило им выглядеть в глазах окружающих представителями какой-то особой, небывалой, «политической», что ли, биологии. А истинным ученым, биологам-генетикам они навешивали ярлыки чуть ли не врагов народа (подобное делалось и в кибернетике, объявленной «лженаукой»). «Парашютисты» спекулировали лозунгами, занимались вульгарнейшей «политизацией» научных явлений. И все для того, чтобы захватить выгодные для себя позиции и добиться вождельческих материальных и прочих благ. «Лысенковщина» была тем участком, где в своем рвении к незаработанным благам наиболее провалилась вперед бюрократия — и уже показалось доньшко абсурда.

Ныне, когда был провозглашен курс на перестройку, люди из категории «парашютистов» растерялись. Но затем стали сопротивляться. Именно потребитель больше всего и сопротивляется перестройке. Бюрократ — он тоже потребитель, нетворческий человек. Талантливый бюрократ — нонсенс, такого просто не бывает, потому что если человек по-настоящему талантлив, его талант не даст ему соскользнуть на эту дорогу.

Потребитель-бюрократ видит жизнь в искаженном, удобном для себя свете. Его питает то, что в романе названо «молочком человеческого унижения» (вот как рабочие пчелы открывают специальным молочком матку, а сами его не пьют). И бюрократу нужно нечто подобное: чтобы почитали, восхваляли, чтобы любовались его одаренностью, которой на деле нет. А ведь истинно одаренному человеку неважно, хвалят его или нет, для него источник радости — труд, творчество...

Все сказанное мною сейчас, надеюсь, отвечает на вопрос: чем и сегодня опасна вроде бы отошедшая в прошлое «лысенковщина»? Борьба с бюрократией, потребительством, бездарностью трудно, но разве не в борьбе высшая красота жизни?

— Именно так понимает смысл жизни герой «Белых одежд» Федор Иванович, сохраняющий плоды научного труда безвинно репрессированного Стригалева. Федор Иванович — положительный герой в полном значении этого слова. Хочу спросить вас: как вы относитесь к понятию положительного героя, которое порой подвергается ироническим нападениям в критике?

— Скажу с полной определенностью: очень худо, если нападают не на плохое, схематичное, сусальное воплощение такого героя, а именно на принцип. Я считаю, что литература, относящаяся к положительному началу со скепсисом и насмешкой, растягивающая и смакующая, фетишизирующая слабости человека, укрепляет позиции мирового зла. Может, я и резко это говорю, но убежденно. На мой взгляд, нужно как можно больше издавать такую литературу, где есть положительный герой, где через него познаются чистые, романтические начала, начала добра. Кто посмеет оспорить наличие таких начал, когда я вплотную сталкивался с ними в трудные моменты жизни!

— Ваши личные обстоятельства складывались так, что бывало трудно работать, издаваться, а надо было, как говорится, семью кормить...

— Да, и немалую, четверо детей. Это сейчас они взрослые, самостоятельные... Когда был подвергнут разгромной критике роман «Не хлебом единым», издательские кассы оказались для меня надолго закрытыми. Это уж потом я стал зарабатывать переводами, рецензиями. И вот, когда бывало очень трудно, порой случались удивительные вещи. Убирала однажды гисменный стол, а под картонкой деньги лежат. Кто положил? Тот читатель, что приехал третьего дня с Урала, или тот, что вчера был из Казахстана? В другой раз — в самую тяжелую для моей семьи минуту — почтальон приносит заказное письмо. Открываю, а там сберкнижка на предъявителя. Или еще — это было под Новый год. Очень суровая для нас была зима. Раздается звонок. Открываю дверь — стоит человек, в фирменном

халате. Вы Дудинцев? Заказывали в гастрономе продукты? Я говорю: нет, не заказывали. А он и слушать не хочет: заказ был! Затаскивает в комнату ящик. Дети уже запыржали. Начинаем вскрывать — чего там только нет... Должен сказать, что щедрые движения человеческой души оставили во мне неизгладимый след.

— Владимир Дмитриевич, когда и как возник у вас замысел романа «Белые одежды»?

— Я вам так отвечу: я задумал роман как раз в тот день и в тот час, когда происходило писательское собрание, где меня ругали за «Не хлебом единым». Там впервые в жизни у меня был обморок. Не оттого, что критиковали, — я не считаю свои работы совершенными. Но обвиняли меня в политической вредности те же самые люди, которые вчера еще роман хвалили...

С тех пор и жило во мне желание продолжить разговор о правде, честности, справедливости. А материалы, связанные с биологической наукой, с драмами и трагедиями, которые происходили в ней и вокруг нее в известные времена, мне довелось узнать от самих биологов, генетиков: многие видные ученые стали моими добрыми друзьями.

Что же касается «технической», так сказать, истории написания «Белых одежд»... Знаете, я вам расскажу, как писался «Не хлебом единым». В годы журналистской работы в «Комсомольской правде» я очень интересовался судьбами тех, кто терпел бедствие на своем пути поисков нового. Люди творческого труда, изобретатели приходили, приносили свои мысли, дневники, жалобы. Я с ними говорил, вникал в их заботы. Много записывал блокнотом. Но о романе пока еще не думал. И вот однажды ворошу груды записей — их множество скопилось за несколько лет — и вдруг увидел, что там кроется вещь, новое произведение! Роман!.. Разложил бумажки, сложился контур сюжета. Я еще не чувствовал себя готовым, но знал: буду писать, роман меня ждет. Стал обдумывать «выхаживать» будущую книгу в пеших прогулках по Ленинскому проспекту: двенадцать километров в день. Стал брать с собой карандаш и бумагу: не запишешь мысль — пропадет, забудется. Складывал новые записи в большую коробку, наполнял ее. Чувствую, пора компоновать. Расклеил на большом листе ватмана весь роман. Наступила минута, когда можно начинать книгу...

Так вот, что касается самой «технической» работы над «Белыми одеждами», то она была примерно такой же, как и в случае с романом «Не хлебом единым».

Публикация романа «Белые одежды» представляет для меня такое счастье, о каком я мог только осторожно мечтать. Радость, которую я ощущал, полу-

чая очередные журналы, трудно выразить словами.

Хотелось бы сказать вот еще о чем. Роман мог бы пойти в печать значительно позднее, не будь людей, которые помогли скорейшей его публикации. Я благодарен Раде Никитичне Аджубей, заместителю главного редактора «Науки и жизни». Она прослышала, что есть такая рукопись, позвонила и попросила прочитать. И прочитав, загорелась идеей напечатать отрывки в журнале. Они и были напечатаны — еще в августе прошлого года. Затем Виталий Короткий в «Огоньке» дал отрывки. Первая беседа со мной о романе, в феврале, еще до выхода его, повлилась в «Советской культуре». Ну а непосредственная и главная заслуга — заслуга публикации — принадлежит редколлегии «Невы» во главе с Борисом Николаевичем Никольским. Инерция сопротивления была нешуточной, главному редактору понадобилось немалое мужество. Первый номер журнала опоздал на полтора месяца. Борис Николаевич — вот ведь яркая подробность — даже не стал готовить запасного материала на замену, на тот случай, если Дудинцева задержат с публикацией. Редакция «Невы» действовала смело, принципиально, так, как к тому призывает партия...

— Когда читаете «Белые одежды», чувствуете оптимизм автора, убежденность в необходимости перемен, которые сняли бы все преграды на пути общественного прогресса. Что так давно вы сказали, что очень бы хотели, чтобы роман «Белые одежды» работал на перестройку.

— Могу повторить это со всей искренностью. Я начал писать роман, когда и самого термина «перестройка» в том смысле, как мы это теперь понимаем, не было. Но я всегда исходил и исхожу из того, что человеку, гражданину, патриоту необходимо идти в бой за доброе дело, за правду. Идти и не бояться.

При всей негладкости моей писательской судьбы мне, как я думаю, дважды повезло. Повезло в том, что мысли, выраженные как в «Не хлебом единым», так и в «Белых одеждах», удивительным образом оба раза попадали в суть общественных событий. Тридцать лет назад в нашей стране была предпринята попытка преодолеть застой. Сейчас налицо уже не попытка, а выдвинутая партией системная, глубоко революционная программа. Я писал «Белые одежды», когда, казалось бы, никакой перспективы на опубликование этой книги не было. И вот видите, как все повернулось, какие глыбы в жизни оказались сдвинутыми. Вы справедливо говорите об убежденности и оптимизме. Да, я твердо знаю, что столь четко наметившиеся сдвиги в нашей жизни победят.

Это очень нужно для писателя мироощущение. Александр Бек написал свой в высшей степени гражданственный роман «Новое назначение» в годы, когда подобных книг не печатали, и он, конечно, отдавал себе отчет в том, что рукопись надолго ляжет в стол. Но, как одаренный и убежденный человек, не сомневался в неотвратимости перемен, обладал чувством времени, чувством будущего. Оно жило во всем народе, а писатель его выразил — и не ошибся...

Беседа велла
Е. ТИХОМИРОВА.